

ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ

Александров Н.Н.

Даже самые интеллигентные люди нередко попадают в ситуацию, когда у них очень чешутся руки. Жизнь подкидывает для этого массу возможностей. Она помещает нас в очереди, где обязательно возникнет проблема «вас тут не стояло». На стадионах зрелище взбудораженной толпы заставляет усомниться, не свихнулись ли эти люди. Равномерное качание молодежной оравы на рок-концертах уже никого не волнует, но были времена похуже: массовая истерия и жертвы сопровождали серии ранних концертных выступлений Битлз и Роллинг Стоунз. Приступы групповых чувств начала 60-х поутихли, но психологи так до конца и не нашли ответа о причинах их возникновения. Тем же электричеством были пронизаны наши политические митинги времен перестройки, да и нынешние, особенно на национальной почве. Достаточно включить новости, чтобы увидеть это. Явление это заразное, поэтому лучше знать о последствиях заранее, чем потом вводить внутренние войска. Которые, кстати, не помогут.

Оказывается, люди не одиноки

Множество загадок поведения аналогичного свойства можно наблюдать у животных. Громадная масса саранчи взлетает с места вся одновременно, как будто вдруг прозвучала команда. Периодически телевидение демонстрирует необъяснимые сцены из жизни китовых: они выбрасываются на берег и на попытки спасти их не реагируют. Аналогичные массовые самоубийства зафиксированы у грызунов и антилоп. Однажды стаю крыс поместили в идеальные условия, они быстро начали размножаться и вдруг, с какого-то момента, рождения "прекратились", крысы начали умирать и болеть вялостью при изобилии еды. Удивительные явления были обнаружены у термитов: они начинают строить свои «замки» только при достижении определенной численности: в них в этот момент словно возникает «знание, как это делать».

Многое из описанного присуще и человеческому сообществу. В нем ведь тоже некие качественные скачки возникают при достижении определенного количества. Но это особая тема.

Некоторые аналогичные закономерности группового свойства обнаружены и у людей. Например, после кровопролитных войн, где гибнет много мужчин, начинают рождаться преимущественно мальчики. Кто «руководит» этим процессом? Что за сила восстанавливает род человеческий? Не значит ли это, что человек еще плохо понимает, насколько он подвластен человечеству в целом, при всем своем растущем эгоцентризме?

Но мы начали разговор о толпе. Есть множество примеров, демонстрирующих, как собрание людей в определенной ситуации приводит к «эффекту толпы», когда поведение разумного человека начинает напоминать поведение обезумевшего животного в стаде.

Толпа – это не просто нейтральный базар. У толпы должна быть *эмоция*, сгруппировавшая ее. Самый яркий пример объединяющей идеи – страх. Страх превращает действия толпы в «психическую эпидемию кратковременного свойства». На этом эффекте «заражения страхом» построены все фильмы ужасов – от самых утонченных до откровенно коммерческих. Режиссер А. Хичкок умел, по его словам, создавать это чувство буквально из ничего. Но кино – это невинная игрушка по сравнению с эпидемиями идеологического свойства.

Отметим: простейшим образом объединяет толпу не мысль или идея, а эмоция, может быть, чувство. Люди охотно погружаются в это объединяющее их чувство на концертах или в храмовых службах – это цивилизованная форма соединенности в группу. Но тем не менее, мысль или идея тоже способны соединять людей. Правда, это будет уже не «толпа», а нечто куда более связанное и структурированное. И этот способ организации в общность совсем другой по основаниям. Мы же пока о толпе.

Кто у руля?

Большинство из нас знает В.М. Бехтерева лишь как великого ученого, которого, возможно, отравили за диагноз, поставленный им Сталину: «сухорукий параноик». Но его работ не знал в советское время практически никто, да и немудрено: после торжественных похорон все его наследие было надежно упрятано и больше в широкой печати не появлялось. А ведь еще до первой русской революции 1905 года он сумел предвидеть многое из того, что случилось позднее. Прозрения его удивительны.

В определенных исторических условиях, по Бехтереву, происходят своего рода *психические эпидемии*, где проявляется «одушевление народных масс и фанатизм». Такая масса становится очень внушаемой, и внушение держится в ней долго. Это очень благодатный материал для политических манипуляций.

Внимательно рассматривая ход революции 1905 года, ученый отмечал: «В этом массовом революционном возбуждении, наряду со строго обдуманскими действиями одних лиц, в действиях других играли значительную роль внушение и взаимовнушение». И уже здесь им найдена ключевая особенность этого явления: «толпе нужны вожаки, которые руководят ею как искусные демагоги, гораздо больше силой внушения, нежели здравым убеждением». Тот самый эффект стаи, когда саранча взлетает одновременно, был обнаружен им в эффекте взаимовнушения: масса действует и чувствует как единое целое, как стая саранчи, как организм. Заметьте: толпой руководит не разум (орудие цивилизации), а именно эмоция, эволюционно более древняя.

Я часто слышу возмущение посторонних по поводу митингов: люди не внимают доводам разума! Но они и не могут внимать, ибо каждый из них вдруг становится «человеком толпы», а это уже – не отдельные люди. Толпа не в состоянии управлять собой, но все же она управляема. Штурмовала Бастилию разъяренная, но управляемая толпа, и вел ее Дантон. Благородные порывы речей Сальвадора Альенде придавали толпе неистовое воодушевление, но это

не спасло его от свержения: та же толпа была парализована страхом в момент путча. Мы так любили, когда страстно и эмоционально говорил с трибуны Фидель Кастро, но ведь на его месте вполне мог бы появиться столь же страстный новый Гитлер. Момент, когда рассудок замещается верой в вождя, – крайне опасный момент истории.

Говорят, что почти все известные миру диктаторы были небольшого роста и с какими-либо физическими изъянами. Но одно они умели делать превосходно: они владели возбужденной толпой, а самое главное – научились льстить этой толпе, подогреть ее еще и еще, доводить до ярости или экстаза и пророчить близкий успех. Принципы, изложенные в книге Гитлера или его министра пропаганды, мало отличаются по цинизму от неявных принципов Сталина, Наполеона или Муссолини. «С толпой надо говорить коротко и неясно», – это сказал Наполеон, но мог сказать любой из них. Главное – не убеждать, а возбуждать. Кратко и просто, в стиле лозунгов. С этой особенностью вынужден был считаться любой хороший оратор, преследующий цели партии или группы.

Как-то я в юности написал реферат по риторике – конечно же, советской – и обнаружил для себя много любопытного именно в этой сфере. Потом я стал добавлять к этому свои наблюдения и делать выводы, и вот что из этого получилось вкратце.

Если проанализировать выступления Ленина в массе, то его речевые конструкции довольно сложны, они близки к латыни, которую он знал на «отлично» еще со времен гимназии. Судя по всему, оттуда он воспринял и первоначальные риторические приемы. Они ему вскоре понадобились как адвокату, но более всего – как главному оратору партии большевиков.

Обращаясь к народу, Ленин умел говорить образно и страстно, что слышно в записях на пластинках. Хотя в целом его подход к выступлениям, даже эпизодическим, был достаточно сложным: он умело взвешивал положение

дел, он точно знал его как социолог, связанный с массой, он находил центральное звено и превращал его в сильный эмоциональный лозунг. Какие разные вещи: говорить толпе такие сложные вещи – или просто возбуждать ее для разрушения! В свое время лидеры большевиков выделялись на фоне «парламентских» лидеров – большинство из них были яркими ораторами, умевшими «разогреть» уличную толпу. Одно появление Льва Троцкого на фронте электризовало массу до чрезвычайности, тому есть документальные свидетельства.

В этом ряду «электрических» вождей Сталин поначалу старался не высываться. Но принципы их риторики он усвоил хорошо, он вообще умел учиться у конкурентов и врагов. Через какие-то 15 лет ничем не примечательный на их фоне, не умевший ярко говорить и не очень образованный по сравнению с ними генсек добивался от толпы сподвижников куда большего эффекта, чем лидеры революции первой волны. Он сам себе создал такую «толпу», на которую он мог воздействовать – подобранных им лично аппаратчиков. Мало того, что Сталин умело приковывал к себе внимание, находясь на трибуне, он еще и победил своих конкурентов морально, буквально раздавив всех своих прошлых сподвижников в глазах народа. Если бы он просто расстрелял их, это был бы кратковременный эффект и совсем другой эмоциональный шлейф. Нет, его целью было внушать колоссальную любовь и колоссальный ужас одновременно.

Вот перед нами послевоенное время, когда он уже редко выступал, зато зал при одном его появлении впадал в полуистерическое состояние. Оказывается, может работать даже не голос, а образ, имидж вождя, ожидание. В воспоминаниях кого-то из современников раздраженный Сталин отчитывает своего сына-алкоголика и кричит: думаешь, это ты – Сталин или я – Сталин? Это он – Сталин! И указывает в окно на огромный портрет на стене Кремля. Этот образ Сталина, созданный им же, относится к разряду коллективных

галлюцинаций огромного масштаба. И только от незнания истории в этом аспекте мы считаем его уникальным. Сопоставительный анализ показывает, что такая же коллективная галлюцинация была создана и у Гитлера, частично у Муссолини и т.д. Не по содержанию, но по форме – в свете того, что мы обсуждаем. И, кстати, эти галлюцинации продолжают жить и поныне.

Бехтерев пишет, что в «периоды тревоги и ожиданий» обычными явлениями становятся «коллективные опасения и подозрительность». Никаким здравым смыслом невозможно объяснить карательную машину, запущенную Робеспьером, которая уничтожила в итоге его самого. В логике есть так называемые «недоказуемые парадигмы». Если спроецировать их на политику, то одна из них гласит: *все наши неудачи являются результатом происков врагов революции*. Доказать, что это не так, невозможно. И потому здесь наступает полоса еще одних коллективных «иллюзий и галлюцинаций»: люди, действительно, видят вокруг шпионов и диверсантов, агентов и контрреволюционеров. Как странно видеть в фильме «Светлый путь», действительно светлой и радостной советской сказке, вот эту сюжетную линию с темными силами, проникшими в наши ряды. Но какая же сказка без злодеев! А в этой сфере все строится по законам сказки, эпоса, мифа, притчи. Как это странно, и как страшно выглядит отсюда: неужто эти люди наделены разумом? Но, как говорится, не зарекайтесь. Разум здесь не при чем.

Для запуска цепной реакции мнительности такого рода нужен только повод. Старшее поколение еще помнит, как искусно были обставлены первые дни и недели после убийства Кирова. Люди готовы были растерзать того, на кого им укажут. Точно так же во французской революции волна террора начинается с убийства Марата. Впрочем, повод для террора или войны находится всегда, а если надо, его создают искусственно – а дальше по принципу «победителей не судят».

Зададимся вопросом: какими же необыкновенными приемами ораторского искусства Сталину удалось убедить массу вроде бы умных людей в необходимости террора?

Здесь, во-первых, следовало опираться на привычки и стереотипы народа, а он длительное время воспринимал необходимость царя и языковые построения Библии как квинтэссенцию истины. Кстати, современные специалисты по искусственному интеллекту нашли, что прием Библии – метафора плюс многократно повторенный пример – понемногу превращается в сознании человека в универсальную объяснительную схему. Классическая речь Сталина начинается с некоего вопроса («иногда спрашивают»), которого на самом деле никто не задавал. На это искусственное вопрошание следовал «глубокомысленный» ответ со ссылками на Маркса (его Сталин читал, остались пометки), чаще на Ленина и почти никогда – на Энгельса (его вождь считал второсортным, и в выражениях по его поводу не стеснялся). Прием известный: точно так же библейские пророки ссылаются на ветхозаветные откровения. Особо интересен конец речи – прямое выполнение указания Наполеона говорить коротко и *неясно*: обычно это – угроза или, что еще страшнее, отсрочка неизбежной угрозы. Но выражено все так, что допускает множество трактовок (неясно) – и отсюда страх еще больше.

Откуда этот стиль и способ выражения, очевидно: хорошо ли, плохо ли, но юный Джугашвили учился в семинарии. И все матрицы религиозной риторики он умело воспроизвел. Так из библейского «враг рода человеческого» возникли «враги народа». Чего стоят хотя бы «братья и сестры» вместо «товарищи» в первой речи при начале войны – это гениальное переключение на религиозный архетип в момент, когда он понимает, что за советскую власть воевать народ не пойдет. А вот за Родину – пойдет.

Из возбужденного коллектива необходимо сделать нечто структурированное. Эта задачка всегда возникает после митингового экстаза, не

миновать ее и нашим политикам в скором будущем. И самый простой прием здесь – рассредоточить во времени и пространстве организованные элементы бывшей толпы, но сохранить ее энергетический «заряд», веру и цели. История показывает, что лучшими образцами структуризации являются войско (идея Троцкого о военизированных рабочих армиях) и монастыри (партия как орден меченосцев у Сталина). Кстати, и современные тоталитарные секты устроены по тому же принципу: ничего своего, только наше.

Главное в этой ситуации: не дать разрушиться единству толпы, устранить все, выходящее за рамки этого группового, а особенно – людей с альтернативными идеями и чувствами. Особенно трудно в этом положении находиться на вершине власти: там вдвоем не сидят. Поэтому сверху донизу в стране выкашивали всех, кто не был похож на лицо толпы – по любому признаку: по происхождению, по наличию в прошлом собственности, по образованности, по красоте женщин, по интеллигентному выражению лица, и даже по росту – вокруг Сталина вскоре можно будет увидеть только таких же, как он сам, «полтора метра с кепкой». На мавзолее во время парадов ему ставили небольшую скамеечку, и на этом пьедестале он выглядел выше окружающих. А гигантские портреты и еще более гигантские статуи по всей стране довершали формирование образа мифического сказочного великана.

Простейшая цель «сплотившейся толпы» – самосохранение, то есть защита плюс нападение. Поэтому надо держать ее в состоянии *перманентной войны, как с внешними, так и с внутренними врагами*. Здесь и Робеспьер, и Сталин поступают одинаково. Исламская революция с массовыми издевательствами на площадях 1979 года в Иране и «перевоспитание интеллигенции в горных деревнях» председателем Мао – явления одного порядка. Его суть – непрерывная война. Могу привести пример и из своей практики.

Эпопея новатора

Работая в 1980-х с М.П. Щетининым, которого вполне определенная публика и по сей день носят на руках как педагога-новатора, я с интересом наблюдал, как он умело электризовал толпу учеников или педагогов. Говорил он в разных тональностях, но всегда страстно и взволнованно, тоном пророка и мученика. Хотя говорил при этом прописные истины, обставляя их примерами.

В фильме М. Рома «Обыкновенный фашизм» есть его язвительный комментарий к страстной речи фюрера, где тот буквально заходится, электризуя толпу, а молоденькие фройлян бьются в экстазе и роняют туфельки. А говорит при этом Адольф элементарные вещи: «немцы должны работать» и т.д. Эффект почти комический. И я мгновенно вспомнил этот эпизод, когда впервые увидел воочию публичную речь Щетинина и экстатическую реакцию молодых женщин – его всегдашнего окружения. Они обожают этого человека с гармошкой.

Это же несоответствие пафоса содержанию прекрасно видно и в его единственной опубликованной книге: академик РАО так никогда и не поднялся выше уровня баек о своих педагогических приключениях, причем, лживых баек – я это говорю как участник событий. При этом я так думаю, ни одна из высказанных им мыслей никогда не принадлежала лично ему – имел счастье беседовать с ним и делиться прочитанным, чтобы потом услышать это в его публичных речах. Но не слишком образованным рядовым педагогам и родителям каждая его фраза и казалась, и кажется только что рожденным откровением. Этот человек несомненно талантлив, но талант его очень специфический. Говорят, был такой уникальный матрос в Петрограде в период между двумя революциями – когда он вставал на бочку и начинал говорить, собирались толпы народа и движение в центре останавливалось. Но он, собственно, ничего не хотел от этого процесса, просто обладал таким уникальным талантом заводить толпу, чем и развлекался, испытывая от этого восторг.

Еще на последнем курсе института я приехал в поселок Ясные зори Белгородская области. Там тогда доживала последние дни школа Щетинина – она с одной стороны очень нравилась всем, но с другой – чем-то очень настораживала, но я тогда не понял, чем. Мы договорились поработать вместе, и я приехал после института в село Зыбкое, где ситуация была совсем уж не красочная – дремучая украинская глубинка без жилья для учителей и тем более без столовой. Времени между двумя школами прошло всего ничего, но и эта школа Щетинина уже находилась в состоянии войны: с Минпросом, с обкомом, с Академией педнаук, с соседним колхозом и еще Бог знает с кем. Обороной руководил лично Михаил Петрович. Это была его очередная школа, которую он потом бросил после всех своих надуманных боев, поскольку все эти периферийные имитации боев нужны были ему только для Москвы и для телевизора, куда так стремилась тогда его душа. Наконец, он стал академиком РАО, куда вошел с потоком настоящих педагогов-новаторов на своем имидже. Его тогдашняя цель была достигнута, хотя, будучи в здравом уме, трудно понять, какие академики его туда избирали и зачем.

Теперь это «великий мученик» (это из очередной статьи о нем) возглавляет где-то на юге нечто очень громкое по названию, как барабан. Информации о его реальных «достижениях» никакой – и никогда не было никакой, как я сейчас понимаю, зато эмоции вокруг все так же брызжут и восторженные молодые и не очень молодые журналистки все так же «хлопают крыльями» по поводу увиденного краем глаза. И сколько вывесок этот новатор сменил в своих переездах – от идеи всестороннего развития из марксизма – до полной противоположности в его образовательном месиве сегодня. Что характерно, его «школа» всегда двигалась к общине через разрушение предметно-урочной системы, но к общине особой – в ее центре всегда был только один человек, сам Щетинин. Поэтому-то он и предпочитал в качестве очередных жертв богатые и очень самостоятельные колхозы, станицы и т.п.

общинные образования, поверх которых всегда выстраивает свою общину со своим способом жизни. И сколько их уже было, пока он не начал строить где-то отдельно свою, надеюсь, окончательную. За чей счет на этот раз? А вот в экономику свою он никогда и никого не пустит. Тем не менее: теперь у него появились спонсоры из числа наиболее очарованных.

Ради интереса журналисткам стоило бы почитать всех тех действительно талантливейших педагогов, которые ушли от него и оставили об этом свои воспоминания, они есть в интернете: люди говорят тоже, что и я здесь, и их очень много – вас это не настораживает, господа журналисты?

Тем не менее, в очередную «школу Щетинина» всегда стояла и будет стоять толпа родителей, причем уже из богатых столиц, которые заражаются этими кипящими эмоциями из СМИ и, как ни странно, от замалчивания, порождающего массу домыслов. Отсутствие информации – оно ведь действует еще сильнее: родители сами наделяют образ Щетинина и его школы теми свойствами, которыми хотят. А вот что они получают в итоге?

По последним данным из инета школа Щетинина находится в стадии превращения в тоталитарную секту, в которой дети громогласно отреклись от своих родителей и ведут все ту же щетининскую войну теперь уже со всем миром. Чего и следовало ожидать, поскольку такова логика развития «возбужденной толпы» небольшого размера в ее последней стадии – превращение по всем признакам в тоталитарную секту, в центре которой стоит «живое божество», находящееся в контакте с высшими силами. Вот что пишут об этом в интернете: на прошедших XVIII Международных Рождественских образовательных чтениях в Просветительском центре свт. Иоанна Златоуста сектоборец «Александр Дворкин представил весьма живой и интересный доклад о педагогической школе Щетинина, в котором показал ее псевдообразовательную методiku и дисциплину, действительно похожие на структуру Новых религиозных движений. Возмущаясь тем, что школа Щетинина получила

лицензию как государственная и экспериментальная в Краснодарском крае, Дворкин рассказал множество забавных историй, высмеивая "сектанта" Щетинина» (http://www.portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=1263).

Так что универсальные приемы манипуляции толпой живут и процветают сегодня вовсю, и не только в политике, но и в педагогике. Хотя вообще-то, в политике: Щетинин талантлив именно как политик, формирующий свою коллективную галлюцинацию и на том стоящий. Ему немало поспособствовал современный сказочник Мегре, и теперь МП раздраженно отрешивается от своего незваного популяризатора, затмившего его своей многосерийной «Анастасией» с ее оккультными и мистическими идеями. И то верно: не нужна академику чужая мистика, разрушает она его личную галлюцинацию. И вместо начинающих столичных журналисток или утонченных рериховцев в поисках великого Ведуна теперь к нему толпами идут бородатые строители круглых деревень, родовых общин и прочая, явно не симпатичная ему публика, желающая постичь всю школьную математику за год – так им обещано в публикациях Мегре. Там академик сказал, что наши «полевые структуры смогут считывать информацию друг друга» и «нашей родовой памяти известно устройство космоса и способы жизни в космическом пространстве. Поэтому очень важно не допустить мысли, что они (дети) что-то не знают». Интересно, почему РАО все еще финансируется государством? Или у нас оккультизм теперь узаконен в науке?

Короче, перед нами и в этом случае все так же история со Сталиным и его портретом на Красной площади. Хочешь властвовать, создай массовую галлюцинацию себя. А там уж употреби ее, куда тебе позволит время и твои природные наклонности. Как видите, и в академики этим путем сегодня можно попасть.

Ирония истории

Внушенные рефлексy надо поддерживать. В конце концов человеку хочется получить в руки нечто более существенное, чем лозунги. Толпа способна растерзать врага, не рассуждая, но каждый в отдельности потом приходит в ужас. Довольно долго можно удерживать коллектив железной дисциплиной, обработкой сознания, а также при помощи какого угодно «соревнования» – это в природе людей. Однако при этом нельзя добиться массового качества – только имитации. И закручивать гайки без конца тоже нельзя – резьбу снесет.

Малоразвитый коллектив всегда прибегает к репрессиям. По Бехтереву, наибольшей жестокостью отличаются детские коллективы, ибо стадный инстинкт в них еще не осоциален. На втором месте стоят женские коллективы, что видно из истории сталинских женских лагерей. Нормальный взрослый коллектив должен прогрессировать в сторону смягчения нравов, что подтверждено историей. И когда у нас отменили смертную казнь, это стало свидетельством, что мы движемся в этом направлении. По крайней мере, хотим.

Если эту идею довести до логического конца, мы увидим, что «наиболее совершенное общество может состоять только из наиболее совершенных личностей», это и есть идея всесторонне развитой личности. Здесь мысли Бехтерева не противоречат Марксу.

Периодически в истории наблюдались попытки «введения единомыслия» – неважно, какими путями. Самый яркий случай такого исторического эксперимента – фашизм и нацизм. Уже очень скоро после захвата власти Гитлером возникла идея перевоспитания недовольных в лагерях. Лагеря были образцово задуманы и построены, они даже рекламировались. В том же фильме Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» показаны кадры пропагандистского фильма, где перевоспитывающиеся узники гоняют в футбол с добродушной охраной, – идиллия! Бруно Беттельгейм, теперь всемирно известный психиатр,

провел в этих лагерях около полутора лет. Правда, ему крупно повезло: он вышел из лагеря в 1939-м, еще до того, как эти лагеря превратились в фабрики смерти.

Лагеря были не просто душеспасительными заведениями. Между сценами, где миллионные толпы вскидывают руку, как по команде, и неистово кричат «Хайль Гитлер!», и обычными сценами издевательских приказов заключенным «лечь – встать» есть связь: это – определенная система. Человек должен научиться выполнять команды, не рассуждая. Он становится идеальным «человеком толпы», автоматом. На перевоспитание даже отводился точный срок: три года.

Первый прием перевоспитания – полное отсутствие информации и связи. За пределами колючей проволоки мир существовать перестает, лагерь – единственная реальность.

Идея «железного занавеса» и «Сталин знает все, а мы не можем знать» – из той же серии. Следует заметить, что этот принцип исповедуют все тоталитарные секты, включая щетининскую. Информация о внутренних делах во внешнем мире в таких системах или отсутствует, или тщательно дозируется самим лидером. Основываясь на этом приеме, Гитлеру перед войной удалось создать в глянцевах журналах Европы и Америки вполне позитивный имидж Рейха. Он был приветливым хозяином Олимпиад, шикарно встречал и провожал делегации и мило шутил с журналистами, трепал по щекам детей и играл с собакой – ну как такого не полюбить.

Далее, в таких закрытых группах взрослому прививается психология ребенка. В лагере принародно стегали розгами. Подобное происходило и у нас, если почитать Солженицына, то измывались и пострашнее. Но то в лагере, а на воле – непрерывные чистки и публичные покаяния – они ничем не хуже розг.

Затем – множество инструкций, в результате которых ты всегда что-то нарушаешь. Это старый иезуитский прием. Против подобного идиотизма до сих

пор ведут борьбу наши управленцы и предприниматели: законы, инструкции и прочие нормативные акты в непомерном количестве делают тебя «виновным в любом случае» – вот одна из главных причин бессмертия у нас коррупции. Вступающий в это поле априори виновен: проверьте, кто не верит.

Типичным приемом разрушения личности является коллективная ответственность: за провинность одного в лагере наказывают всех.

Отзвуком этой системы было советское «взятие на поруки коллективом» и «товарищеский суд» через который сводили счёты с соседями по коммуналке.

При внедрении принципа коллективной ответственности заключенные в лагере сами начинают следить, чтобы все было в порядке. Интересы охранников и заключенных начинают совпадать до такой степени, что многотысячную колонну сопровождают два автоматчика, и никто никуда не бежит – свои же прибьют. Это поражает в кинохронике, пока на это не посмотришь изнутри системы.

Для поддержания порядка время от времени кого-то наказывали просто так. Этот обычай существовал ранее в католических монастырях: секли розгами, ибо *никто не может быть безгрешен полностью*. Кого выбрать для экзекуции? Того, кто высовывается, кто хоть немного сохранил остатки индивидуальности. И человек начинает разрушать себя сам, уже по своей инициативе. Он либо сливается с этой массой, либо гибнет.

Следующий шаг – возбудить ненависть к тому, кто рядом, такому же бедолаге, как ты сам. Например, постели надо было застелить идеально. Но нары двухэтажные, и ты всегда будешь мешать и ненавидеть соседа. А ненависть разъедает личность. Я и сам помню это по армии, поскольку прием сам по себе бессмертен.

В работе ты должен усвоить, что от тебя ничего не зависит: чуть только ты начинаешь делать ее лучше остальных, тебя тут же перебрасывают на другую. Исходя из этого тезиса, можно много чего написать про советскую

экономику и ее принципиальную неэффективность. Кстати, и у нас в 20-30-х существовал подобный принцип «переброски» работника, чтобы не мнил о себе. Но это особая тема.

Обязательным условием лагерей является элита. Жизнь лагеря управляли заключенные. Десятки тысяч заключенных – и сотня эсэсовцев! Человек, попавший в старосты, вынужден отправить кого-то на казнь, иначе пойдет сам. Но зато его лучше кормят, он не работает, у него привилегии. Этот человек быстро забывает, откуда вышел, и начинает презирать своих же собратьев. Рецепт известный – вот откуда подписи всех членов сталинского Политбюро под списками отправляемых на казни, вот откуда дачи, пайки, обслуга и вся психология «номенклатуры».

Само существование лагерей не скрыть. Но на воле никто ничего не знает о них, поэтому страх попасть туда становится еще больше. Принцип попадания не декларируется: сегодня преследуют евреев, завтра – цыган, послезавтра – физиков или «врачей-вредителей». Никогда не предугадаешь, по какому признаку ты можешь угодить в лагерь. Остается слиться с властью до растворения, но и это не гарантия. Покоя нет даже дома: тебя может предать твой же «Павлик Морозов» или выдать жена. В Германии действовала система детского Гитлерюгенда, идентичная нашей пионерской организации – здесь тоже всячески шумели о случаях доносов, хотя, по сути, они были единичными (а, возможно, и вообще сочиненными). Но страх, порожденный самой этой возможностью, был беспределен. Семья перестает быть укрытием, и вообще – таких укрытий больше нет, ты просвечен режимом со всех сторон. А тут еще портреты: они сопровождали людей везде; в Германии – портреты Гитлера, у нас – Сталина. Скрыться от них некуда, вы сами вещаете их у себя дома, по доброй воле – а попробуй, не повесь, и они не оставят вас ни на минуту, они демонизируются в вашем сознании.

Таким образом, даже находясь на воле, человек становился идеальным заключенным.

Если бы только эта система доработала до конца и все перевоспитуемые перевоспитались, эта машина рухнула бы сама. Саморазрушенные личности умирают на глазах. Беттельгейм рассказывает, как идеально перевоспитанные лагерем люди становились абсолютно апатичными, переставали есть, и быстро умирали, даже на воле. Тотальное превращение человек в винтики социальной машины – идеал технократов – губельно для человека. Вот основной вывод великого психиатра, к которому стоит прислушаться. Но история учит только тому, что она ничему не учит.

Ирония истории в том, что общество, сплошь состоящее из винтиков, разрушается само. Очередной исторический эксперимент по превращению человека в винтик пока что успешно провалился. В стране винтиков не была достигнута ни одна из тех целей по поводу человека, которые возвещались с высоких трибун. И если она еще не рухнула полностью, как глиняный колосс, то это только потому, что в ее недрах как-то сохранили себя личности. Не винтики, а личности создали все то, на чем мы сейчас паразитируем. На них и сегодня – вся наша надежда.

Но, между прочим, в истории еще не было случая, чтобы не появилась очередная сила, желающая продолжить эксперимент по превращению человека в программируемого робота. Перечитайте эту статью еще раз – и вы сами выделите ее признаки. Оглянитесь вокруг – и вы увидите, что очередная такая партия маячит на горизонте и ждет удобного «зазора», чтобы захватить власть. И если вы надеетесь, что вы не доживете до новых лагерей, то надежды ваши могут оказаться напрасными – история постоянно ускоряется.